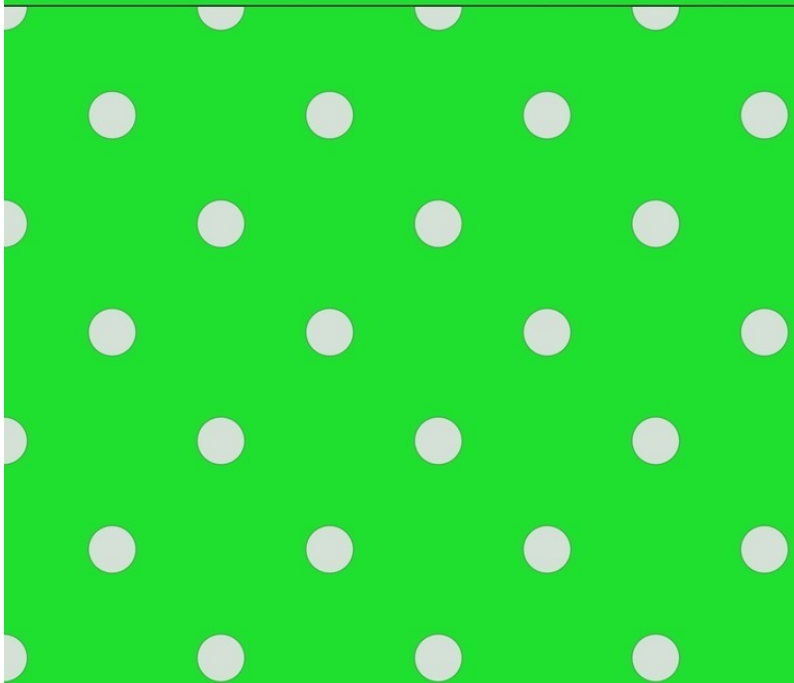

Людмила Козлова

Гамаюн

Людмила Козлова

Гамаюн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28720861

ISBN 9785449019202

Аннотация

Четвёртый том серии «Избранное», книга Людмилы Козловой «Гамаюн» – это поэзия классических и современных форм, лирика и стихи гражданского направления, в которые вложена правда о времени и о себе.

Содержание

Поэзия 2005 – 2009 г	9
ГДЕ ТЫ, МОЙ ГОРОД	10
ПЯТЫЙ АНГЕЛ	11
АССОЛЬ	13
НЕ БОЙСЯ	14
ТОПОЛЬ НА КАРНИЗЕ	15
Я – СТРАННИЦА	16
В СКВОЗЯЩЕЙ ПЕСНЕ ОКТЯБРЯ	17
ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА	18
ИНФЕРНО	19
РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	20
ЧЕЛОВЕКУ	21
СЫНУ	22
ДРУГИЕ ЧИСЛА	23
В РАЙ ВЕДУТ ВСЕ ПУТИ	24
ВЕРА	25
МЕДУЗА ГОРГОНА	26
ГЛАМУР	27
КЛАССОВОЕ	28
ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА	29
ОН ЖИЛ	30
МЫ ВСЁ РЕШАЕМ САМИ	31
СЧАСТЛИВЫХ ЛЕТ!	32

ПРОРОКИ ХХІ	33
ВРЕМЕНА	34
ОБЫЧНАЯ ПЛАТА	35
ВРЕМЯ ЖИЗНИ	36
КАПЛЯ	37
Я – СТИХИЯ	38
ОСЕНЬ	39
ЯЩИК ПАНДОРЫ	40
НОЧЬ	41
ПРОШЛОЕ	42
НОЧНАЯ СТРАЖА	43
ЗАКАТ В ОКНЕ	44
НЕ УМРУ НИКОГДА	46
В ПУТИ	47
И ТОЛЬКО СНЕГ	49
ВЕСЁЛЫЙ МИР	50
МЫ ИГРАЕМ	52
НЕ ЖДИ МЕНЯ	54
МУХА	56
В СУМЕРКАХ ОПАЛОВЫХ	58
ЖЁЛТЫЙ ВЕЧЕР	60
МНЕ БОГ ШЕПНУЛ	62
КОСТЁР ЗАКАТА	64
ВО СЛЕД ЗА СОЛНЦЕМ	66
ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ	67
СЛЕД ДУШИ	69

ОТГАДАЮ	71
ПАМЯТИ СЫНА	73
НОВОГОДНИЙ БИНОМ	75
СТРУИТСЯ СНЕГ	76
ВОЛЧИЦА-РАЗЛУЧНИЦА	78
НАМ ДАНО	80
ПАМЯТЬ ЛЮБВИ	82
ЧУЙСКИЙ ТРАКТ	83
НАВЕКИ	84
Памяти сына	85
ТЫ МНЕ НЕ ПОЗВОНИШЬ	86
ГДЕ ТЫ?	87
ТЕЛЕ ВИДЕНИЕ	88
МОЙ ДЗЕН	89
БЕЗЫМЯННЫЕ ОРГАНИЗМЫ	90
ПОТЕРЯВШИЕ СТРАХ	91
ЖИЗНЬ	92
ИГРА	93
ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД	94
ГРЯДУЩЕЕ	95
УЖЕ ПОРА	96
НЕТ	97
АТТРАКЦИОН	98
В КРУГЕ ВТОРОМ	99
КОРОЛЬ ТЕНЕЙ – ВОИН СВЕТА	100
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ	102

В КРУГЕ СУДЬБЫ	104
БОЖИЙ ЩИТ	106
СЕБЕ	108
В ПОЛЯНАХ, В ОДУВАНЧИКАХ	109
ДВОИЧНЫЙ ПОТОК	110
ОБЕРЕГ	111
Я ЖИВУ	112
СЕГОДНЯ	113
НЕ СДАВАЙСЯ!	114
МАТЬ МАРИЯ	115
ДУША И ЗВЕРЬ	116
ЖДИТЕ!	117
ВЫ ВСЕ МОИ	118
Памяти брата Александра	119
И МНЕ ДАНО	120
ОДНА	121
ГДЕ-ТО ДАЛЕКО РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ	122
СЛУЧАЙНО	123
СИЛА	124
ПОДНЯТЬСЯ РАНО	125
ЗАГЛЯНУ!	126
ЗАРЕЧНАЯ УЛИЦА	127
ВОЗВРАЩЕНИЕ	128
В ДОРОГУ!	129
ДУША ЛЕТИТ	130
ТЮРЬМА СВОБОДЫ	131

Гамаюн

Людмила Козлова

© Людмила Козлова, 2018

ISBN 978-5-4490-1920-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэзия 2005 – 2009 г

Избранное

т. 4

КОЗЛОВА ЛЮДМИЛА МАКСИМОВНА – «Гамаюн» – «Избранное» т.4 – Стихи 2005—2009 г – РИДЕРО – 2018 г. – 460 с

Сообщаю, что я – патриот и оптимист, и поэтому (именно поэтому!) стараюсь быть объективной и говорить правду о времени и о себе. В поэзии это абсолютно необходимо!

© Козлова Л. М., Избранное, т.4, современная поэзия, 2018 г

© Издательство «РИДЕРО», 2018 г

ГДЕ ТЫ, МОЙ ГОРОД

Вьюн прошлогодний лохмотьями рыжими
Бьётся на пыльном дворе.
Кто-то Невидимый дни мои нижет —
Длинная-длинная нить в серебре.

Где ты, мой город, мой мальчик наивный,
Где же твой уличный почерк, поэт?
Грозные пыльные хищные ливни
Смыли волшебную музыку лет.

Ветер играет колючими кущами.
Смертное Нечто рождается весной.
Мой ненаглядный, цветущий, поющий,
Где ты, мой дерзкий, подросток смешной?

Где-то гуляет в окрестностях Ящер,
Дёргая нервно гремучим хвостом.
Всяк, в этот город с Надеждой входящий,
Вспомнит с Печалью когда-то о том.

ПЯТЫЙ АНГЕЛ

Множатся позывы
чувствования —
Дыбом шерсть на волке и овце.
Где-то там,
в доме под Юрюзанью,
Есть младенец с меткой на лице.

Пяты́й Ангел отрока пометил,
Ибо он – любимец Сатаны.
Лик его прекрасен и пресветел —
Песня состраданья и вины.

Но внутри надмирного творенья
Вызревает Чёрный Солитёр.
Где же ты,
Цветок Землетрясения,
Землю очищающий костёр?

Люди не поймут, *что* ты просила —
Лучше *им* не думать ни о чём.

Где же ты, Карающая Сила,
Зло Земли разъявшая Мечом?

Пятый Ангел трубит, и открывается кладезь бездны. (Откровение Иоанна).

Чёрный солитёр – испорченный геном

АССОЛЬ

Взявшись за руки в футболках полосатых,
Словно бы из тех годов тридцатых,
Шествует задумчивая пара.
И не то, чтоб имя Фелицата
Показалось вычурным и старым,
Просто их любовь прошла когда-то.
Говорит он тихо: «Фелицата!»,
Но не скрыть существенный изъян —
Вечным сном стареющего ската
Фелицата чует океан.
Растворяясь в сумраке Каперны,
Притворяясь впадинами дна,
Незаметно, медленно, но верно,
Покидает милого она.

НЕ БОЙСЯ

Там, где ворота дорог Дня и Ночи чьим-то усилием совмещены, там, где пророки о прошлом пророчат, Птицы Печали врываются в сны, там, за горой, за чертой подневольной, горьким становится выпитый мёд. Ветер подхватит, и вихрь обоймёт, только не бойся, ведь это

ТОПОЛЬ НА КАРНИЗЕ

Выброшу на свалку телевизор —
Что-то мне печалится, не спится.
Тополь прилепился на карнизе,
На ветру – оранжевою птицей.

Золочёным пламенем с подножья
Тополь-осень – огненная птица
Всё летит, и всё взлететь не может,
В плотяной тюрьме своей томится.

Тесно в мире. Мир – большая стая.
В мире – смерть и рабство, и разруха.
Только листья жаркие летают —
Ключья не смирившегося Духа.

Плотяной – от слова «плоть»

Я – СТРАННИЦА

И солнца нет, и ветер полыхает,
И говорит молитвами листва.
Я – странница, но грешная, плохая —
Забыла Путь, растратила слова.

По диким травам, пустошам ковыльным
Танцует вихрь – любимый спутник мой.
На трассе шумно, весело и пыльно —
Она не приведёт меня домой.

Всё дальше грохот, вой тяжеловозов
И легковых летучие тела.
Вот если бы ещё убрать занозу —
Её мне память в душу вогнала.

В СКВОЗЯЩЕЙ ПЕСНЕ ОКТЯБРЯ

Прошла сквозь тело ветра —

было

сопротивление упругим.

Прошла свои пятнадцать метров

В секунду

с севера до юга.

Летела вместе с листопадом

И падала его слезами.

Волшебным, жёлтым горьким ядом

Поит меня бродяжка осень,

Дождями пахнет в дебрях сада —

крепчает хмурая осада.

И нот осталось только восемь

В сквозящей песне октября.

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА

Рыжий всадник на рыжем,
Белый всадник на белом,
Чёрный всадник на чёрном коне
Пролетают по нашей стране.

И не слышно ни звона копыт,
Ни запального храпа коней.
Тот раздавлен,
А этот убит
В мясорубке
карающих дней.

Отчего же не плачется нам
По отцам, матерям, по сынам?
Почему же мы, словно во сне,
Позабыли о нашей стране?

Чей Посланник летит в вышине —
Бледный всадник на бледном коне?

ИНФЕРНО

Четвертовали Русь без топора —
пинком, плевком, отрыжкой из перца —
зияет в рёбрах рваная дыра,
и холодно расхристанному сердцу.

Помойкам, спиду, в каторгу и суд,
проказе наркотического блуда
живых детей спокойно продают,
а, говорят, что был казнён Иуда.

Он жив. И яд жирующего Зла
рождает вновь Чудовище Инферно.

Его походка – тяжела,
и жажда будет безразмерна!

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Оранжевый, на иволгу похожий,
Летает пламень в пропасти восхода.
И часть меня птенцом летает тоже.
И тело океана пахнет йодом.

Лети, птенец, исторгнутый из тела,
Лети в цветок восточного светила,
Над океаном – в древние пределы.
Лети, лети, ведь я же отпустила.

Я знаю, там – горящее, как ветер,
Тебя захватит таинство восхода.
Здесь вечно плачут дети на рассвете,
И тело океана пахнет йодом.

ЧЕЛОВЕКУ

Ты должен выжить. Ветер низовой
Ещё пока не вылизал планету.
И всё ещё оранжевы рассветы.
И небосвод висит над головой,

Когда же солнце чёрное взойдёт,
Когда восстанут призраки из ада,
Ты выберешь одну из верхних нот,
Не знающих сомненья и преграды.

Неслышным звуком, тонкою волной
Уйдёшь туда – в бессонные пределы.
Бесстрашный Ангел, крылья за спиной
Теперь ты можешь высвободить смело.

СЫНУ

Гудит октябрьская листвяная метель.
И пляшут листья мёртвыми прыжками.
Прохожий, угодивший в канитель,
в подъезд войдёт и словно в вечность канет.

И в пустоте зависнет жёлтый звон,
И ветер вспыхнет пламенем прозрачным.
Мне кажется, я вижу страшный сон,
И кажется, я знаю, что он значит.

Уходит мир в пещерные слои,
Уходит мир в фарфоровую глину.
А ты лети в галактики свои —
Я за тебя в пещерах этих
сгину.

ДРУГИЕ ЧИСЛА

Жёлтого ветра вам, много-много,
Злых волков по следу и пилигрима.
Вы говорите, что вы недотрога —
Поверьте, это – преодолимо.
Нет защиты – душа заплачет,
Холод сердце переиначит.
И вы разрешите себе – чуть-чуть
Подкорректировать мысли,
Укоротить такой длинный, длинный путь.
Вот уже и другие числа где-то повисли
В какой-то вселенной.
Вы разрешите быть на «ты»,
а потом уже станете пленной,
и переступив через что-то —
рабочую обыкновенной.
Волки есть волки,
хотя их злость несравнима
С уверенностью пилигрима.

В РАЙ ВЕДУТ ВСЕ ПУТИ

Мне хочется дома не быть
лет десять,
А, может, и сто – если получится.
Мечта – она ведь не много весит.
Выйду на улицу,
запишусь в попутчицы.
И вот так – за шагом шаг,
всё дальше и дальше
От города – друга, прохожего,
Похожего на всех врагов сразу.
Уже не видно улиц, распятых
кривоглазыми светофорами.
Уже не слышно лиц, рекламирующих заразу.
Всё хорошо, но вот беда —
За мной увязалась бездомная кошка.
И знаете, это всегда —
Только начнёт получаться что-то немножко,
Так обязательно кто-нибудь крикнет:
«Скорее, сюда! Тут знают, куда идти!»
Оглянешься – а ты снова в той же толпе.
И даже не так – она уже бежит по тебе.
Наверное, всё равно, куда идти —
Наверное, в рай ведут *все* пути.

ВЕРА

В замочную скважину вечно зрит
Стукач-доносчик, живой мертвец,
А вот, поди ж ты, и он говорит:
«Если есть Бог, то мне пипец!»

МЕДУЗА ГОРГОНА

Безумны позывы и тошны движенья,

А всё предлагает соблазна вино.

Но время играет – на понижение.

Медуза Горгона – старушка давно.

ГЛАМУР

Ну, что, притомилась, подруга,
А я улетаю – привет!
Вот весть для подружьего круга!
И радостней весточки нет.

Но радость-то будет недолгой —
Улыбка не выцветет с морд,
Как я с новогодней ёлкой
Вернусь и попробую торт.

Пусть даже он мне и не нужен,
Но выставлен в вазочке мёд.
И честная злоба подружек
Меня, как всегда, не приймёт.

КЛАССОВОЕ

Какая ты недвижимая, манерная, безнадежная,
Хотя и денежная, возможно, нежная.
Глядя на твой костюм от Кардена,
Почему-то думаешь – аденома модема.
Хотя, какая там аденома может быть у модема —
Скорее абракадабра, коряберда и трухляберда.
Но ты такая нарядная,
такая глянцевая – в общем ряду,
Но почему-то думается,
ряд корнями гнездится в аду.
А, впрочем, нам-то какое дело,
Где у тебя чёрное, а где белое.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА

Мальчики, похожие на девочек,
Девочки, похожие на мальчиков,
Вы знаете, наверное, вы знаете,
Что можете играть собой, как мячиком.
Вы можете играть душой и словом,
И заменить любое слово новым,
Достать через окно луну на завтрак.
Но вот одно
для вас запрещено —
Задуматься о том, что будет завтра.

ОН ЖИЛ

Он жил и, в общем-то, очень старался,
Стихи писал и прозу тоже.
Не уберегло ремесло
И дней его не умножило.
И не друзей, а врагов появилась масса.
Однажды в очень скучный и жаркий час
Он взял и угас, как свеча.
Возможно, вышло так сгоряча,
А, может – от холода смертного.
И неприметна его могила.
И наградили его доскою мраморной
с надписью, похожею на часослов.
Что-то там золотом по серому,
Кажется, несколько слов.

МЫ ВСЁ РЕШАЕМ САМИ

Брать обратно слова, даже если права —
Это не безразличие, а скорее смирение.
Самое любимое занятие —
Низко склонённая голова,
Словно регулируемое горение.
Пламя мысли – в недвижимость дня.
Только бы мне не обжечь меня.
Ангел-Хранитель раздул это пламя
После того, как всё отобрал.
Небесный хорал гудит.
Бродит по дереву кот с усами,
Кто-то сказал – мы всё решаем сами —
Такие смиренные на вид.

СЧАСТЛИВЫХ ЛЕТ!

Истину всучить за подписью в мандате,
Научить, да кстати, подлечить —
день и ночь мечтают Воспитатели.

Успевай сказать «люблю»
своей невесте,
вместе избежать вам участи котлет.
Храни вас всех, Господь,
в прохладном месте,
дай вам снов счастливых
и долгих-долгих лет.

ПРОРОКИ XXI

Бог – это человек,
Который поверил в своё бессмертие.
Так что – верьте,
Сегодня верьте и завтра верьте.
А послезавтра
Вы сможете уже проверить —
Так ли вера ваша хороша,
Так ли верна ваша вера.
Верьте – за это никто не возьмёт гроша,
Зато, возможно, вы станете пионером
В области веры.
Примеры нужны во всём и всем.
А вот почему этот человек бессмертный нем?
Это временно, вы же знаете наши нужды —
«когда я ем, я глух и нем».
Ничто человеческое
ему не чуждо.

ВРЕМЕНА

Говорят – времена всегда трудные,
Говорят, времена не выбирают.
А что выбирать,
если – всегда одно и то же.
Времена не трудные – нудные,
Противные, вязкие, как пластилин.
Но если задуматься,
пластилину – всяк господин.
Попробуем вылепить себе счастье,
На солнце рассветное похожее.
Время – так, пустое слово расхожее.
Нет никакого времени.
А счастье – вот оно,
Бьёт в окно лучами горячими.
Встречайте его,
Тогда и поймёте,
что это значит.

ОБЫЧНАЯ ПЛАТА

Что там сказал классик устами Воланда —
клевета – обычная плата за добрые дела?

Умная мысль – выглядит молодо.

Получается Добро – родитель Зла.

Как разомкнуть порочный круг?

От рук и души отлучить Добро?

Созерцать, молча – не делать ничего,

Жар-птицы перо поймать и помалкивать?

Спросите себя, спросите Его,

Спросите Того,

кто в колёса толкает палки.

Но что бы и когда земля ни родила,

Всё та же плата —

За добрые дела.

ВРЕМЯ ЖИЗНИ

Конечно, жизнь абсурдна и вредна.
Едва шагнул, и ты уже на тризне.
Вот говорят – иные времена сейчас,
Но нет времён иных,
Есть время жизни.
И ничего вредней на свете нет,
Чем быть живым,
Искать подённо пищу.
Хотя всегда себе найдёт обед,
Кто ищет.
Но все, к богатству визнавшие лаз,
Нашедшие, казалось бы, нирвану,
Хотят иметь серебряную ванну,
Из золота отлитый унитаз.
Вот так всегда на выжженной земле —
Копаются в золе, но жемчуг ищут.
И свищет ветер солнечный
Во мгле,
дырявый парус голубой дымится,
Бросается на сушу океан.
Жизнь – птица Феникс,
Огненный обман.

КАПЛЯ

Мир – красивая
сферическая система:
Информация (Бог) рождает
энергию и вещество,
Жизнь и Человека.
А Жизнь и Человек
рождают информацию (Бога).
Это и есть вечный двигатель —
Природа,
Рождённая в капле воды.

Я – СТИХИЯ

Не вызрел плод распада и тоски.
Нет почвы для недуга и не будет.
Так высоки сиреневые дуги —
Отводя Млечного Пути,
Так звонко звон колоколов,
И рыболову мнится втуне —
Добыча плещет рыбою в воде,
Но это бьётся Сила
В мир подлунный.
Течёт, сметая времена и годы
Та Сила, что повсюду и нигде,
А значит —
в сердце Духа и Свободы.

ОСЕНЬ

Прозрачные октябрьские лужи
На асфальте
Вмещают облака и корабли.
И золотая флейта листопада
Поёт, роняя листья в никуда.
Вода – прозрачный гравитометр —
Показывает верх и низ.
Карниз, как в омут, в лужу заглянул
И вдруг увидел – в голубом затоне
Средь облаков
Плывущий журавлиный клин.
Они летят, а город в лужах тонет,
Прикованный к асфальту
исполин.

ЯЩИК ПАНДОРЫ

Из ящика Пандоры, как навек,
Окатит взором некий сонный зрак —
Откинув шторы век, навывлет бьёт
Кровавой мглою первобытный мрак.
И вот уже проходят сквозь тебя
Прохожие и толпы прихожан,
Не видя, не любя, но торопясь
Успеть, покуда грязь к ногам прильнула
И есть возможность вымазать других.
Кольнуло что-то – так, гостинец – пуля,
А, может, чёрный след от каблука,
Похожего на коготь дьяволицы.
От радуги Души до волоска
у тонкого виска
зарница или молния
сверкнула.

НОЧЬ

Термоядерной плазмой играет прибор —
Как железо галактик,
Человечьей судьбой
Не Рождённых ещё и Ушедших во тьму.
Так сгорает Любовь, подчиняясь уму.
Выгорают дотла, до секунды последней,
Жизнь и Смерть.
И бесстыдно холодный и медный
Провод вылез сквозь рёбра,
Колючий такой —
Ты потрогай рукой.
И приходит конец,
Этой сказке конец,
И кузнечик во тьму
уронил бубенец.

ПРОШЛОЕ

Я помню о том, что в теснинах гранита
Сокрыта когда-то гудевшая жизнь.
Слоями уложено прошлое в камень.
То давнее время вошло васильками.
Я глажу руками, как пламя костров,
Их синие звёзды
Сквозь толщу столетий,
Сквозь сон катастроф.

НОЧНАЯ СТРАЖА

Дымит закат, в поля стекая,
Янтарным заревом горя.
Меня ли кто-то окликает
Прозрачным эхом сентября.
И властью злохолоднокровной
Лавиной чёрной с алых гор
Летят горластые вороны
Сквозь опрокинутый простор.
Как штопор,
тление заката
Пронзит воронья круговерть.
Ночная стая – призрак Ада —
Правдоподобная, как смерть.
Уходит день, приходит стража —
Надёжней стражи в мире нет.
Но всё неважно, всё неважно —
Есть дом,
а в нём – тепло и свет.

ЗАКАТ В ОКНЕ

Глухое пенье – капает вода.
Стучатся капли
В доньшко стакана.
Квадратным глазом птицы-великана —
Закат в окне
И первая звезда.
Качнётся дверь
От злого сквозняка
И вздрогнут шторы
шёлковой волною.
И вдруг запахнет раннею весною
Откуда-то издалека.

Обман, мираж, мечтание Души —
Вечернее, минутное, пустое,
Но покачнутся
Зимние устои
И вспомнится далёкое, святое,
Как в детстве: «Мама,
Сказку расскажи!».
Глухое пенье – падает звезда.
Стучатся капли,
Время ли стучится.

Смотри в окно,
Смотри, большая птица!
И ничего плохого не случится,
Пока из крана
Капает вода.

НЕ УМРУ НИКОГДА

Я бываю прозрачною
круглою каплей дождя
иногда.

Я живу

Очень долго —
секунд шестьдесят.

А когда ухожу,

И меня поглощает вода,

Успеваю подумать,

Что я не умру

Никогда.

В ПУТИ

Мне долго, долго
Страницей идти,
Не ведая усталости сомнений.
Алмазный пояс Млечного пути,
Полночный зов,
По имени «Лети!»,
Расскажут мне
О вечности мгновений.

Живое время —
Это человек.
Дано ему
И царственно и свято
В секунду втиснуть
Выморочный век
И сделать миг
Эпохой необъятной.

Мой праздник ждёт,
И я всегда в Пути.
И мой полёт во времени
Продлится.
В полночный зов,

По имени «Свети!»,
Я улетаю
Сказочной жар-птицей.

В полночный зов,
По имени «Душа»,
В прекрасный мир,
По имени «Свобода»,
В зелёный шёпот,
В шорох камыша
Лечу,
Судьбы веление верша.
И каждый миг
Сияет дольше года.

Возврата нет,
Печали тоже нет.
Просторы неба —
Годы световые.
Моя реальность,
Словно интернет,
Невидимый отслеживает след,
Похожий
На цветы живые.

И ТОЛЬКО СНЕГ

Осенний шквал —
Ночное действо.
Наутро выглянет рассвет
Такой белёсый,
Как злодейство,
Которому сто лет в обед.

Весёлых красок,
Солнца.
Неба
Так не хватает, Боже мой!
Ужели мир красивым не был,
И всё закончится зимой?

И только снег
Да север лютый,
Да мутный полдень ледяной,
Где места нет и на минуту
Тебе увидеться со мной.

ВЕСЁЛЫЙ МИР

Весёлый мир,
цветной и круглый,
Подобный капле дождевой,
Смотри —
Жестокая подруга,
Эпоха смерти Кали Юга,
Рулеткой крутится живой.

Она неверующих лечит,
Кидая шарик
В толщу лет.
Сегодня – «чёт»,
А завтра – «нечет».
Сегодня – есть,
А завтра – нет.

Пережигает наши души
Не электрический пробой,
А то, что исподволь
Разрушит —
В жестоком хаосе
Игрушкой
Легко становится любой.

Минули два тысячелетия.
Планета ждёт Иисуса,
Но
Играют безмятежно дети,
И всё на этом белом свете
Числом помечено давно.

А я всё верю в силу Рая —
Сильнее веры зверя нет.
А я играю.
Я играю,
Надеясь выиграть,
Мой Свет.

МЫ ИГРАЕМ

Осень.

Звёзды в небе тёмном.

Мир внутри Улитки Млечной

Кажется себе

Бездомным

В Бездне вечной.

Мир людей —

Живая точка

На хрустальном гироскопе.

Он прозрачен и непрочен.

Но Господь,

Творец заочный,

Может сделать сотни копий.

И, возможно, эти дубли —

Ты да я,

Мой друг любимый.

Где оригинал загублен,

И когда возникли дубли,

Знает Бог

Неутомимый.

Мы копируем кого-то,

Мы судьбу играем чью-то.

Жизнь, как вечная работа:

Это – не моё болото!

Это – не моя минута!

НЕ ЖДИ МЕНЯ

Не жди меня —
Цветастое крыльцо
Забыло след мой утренний
Запомнить.
В кольцо несчастья
Падают дожди.
Не жди меня —
Отныне
Я бездомна.

Мне долго – долго
Снились пустыри.
И вот она —
Холодная пустыня.
Осколки неба,
Утренней зари...
Она горит,
И, видно, не остынет.
Её теплом
Согреюсь я в пути,
В моём пути блуждающей кометы.
Искать мне дом,
Искать да не найти.

Тебя искать.
Откликнись,
Крикни —
Где ты?

МУХА Т.

Пять минут назад —
Вся жизнь в ажуре.
А теперь – как в будке
У дворняжки.
Муха заплутала в абажуре,
И никак не выбраться
Бедняжке.

Всё о стенки матовые
Бьётся,
Протестует,
Плачет от обиды.
Муха – гений.
Муха – Песталоцци.
Кто же эту истину
Увидит?

Слушай, слушай
Этот чёртов зуммер —
Вдумчиво, задумчиво и кротко —
Всё разумно
В мире неразумном —

Хочешь быть,
Так будь, моя красотка!

В СУМЕРКАХ ОПАЛОВЫХ

Мелькнуло что-то
В сумерках опаловых —
Летело Время,
Странствия любя.
Так не хватало снова
Цвета алого,
Осеннего да злого
Ветра шалого,
Так не хватало, милый мой,
Тебя.

И наступала ночь,
Как сон проклятия,
Густая ночь,
Исполненная тьмы.
Высоких звёзд
Рассыпчатую платину,
Летая порознь.
Собирали мы.

Ты – где-то там,
В неизвестных созвездиях,
А я в зените Млечного Пути.

Но шла судьба – раба
По краю лезвия,
И мы друг друга
Не смогли найти.

ЖЁЛТЫЙ ВЕЧЕР

Жёлтый вечер
с розовым отливом
молчаливой птицею взлетел.
Может, где-то
Расцвели оливы,
Все навек потерянные
Живы —
Только заглянули за предел
И вернулись вновь
На Землю эту,
В жёлтый вечер —
Под его крыло,
Рассказать
про сумрачную Лету,
Поклониться
солнечному свету,
Ибо Время Жизни
не прошло.
Не прошло, не выцвело,
Живое —
В жёлтый вечер падает
огнём...
В это пламя,

ми́лый мой, с тобою
Прыгнем
и назад не повернём.

МНЕ БОГ ШЕПНУЛ

Летящей птицы звонкое крыло
Издалека души моей коснулось.
Печальная мелодия проснулась,
Прозрачная,
Как новое стекло.
Зачем дороги нынче замело!

Мне так хотелось
Утром выйти в Путь,
В далёкий Путь до самого истока,
Узнать реки таинственную суть,
Родник планеты,
Ангельское око,
Зерно Добра
В страдании жестоком.

И я искала долго этот Путь,
Но снег летел
И ветры бушевали,
И всё тонуло в снежном покрывале.
Мне Бог шепнул:
«Потом, когда-нибудь».
А я себе сказала: «Не забудь,

Как многие другие
забывали!»»

КОСТЁР ЗАКАТА

Костёр заката навесу —
Рубиновый, неистовый.
Сорока мечется в лесу,
А я себя тебе несу,
Любимый мой,
Единственный.
Но нет пути,
Ответа нет.
За пламенем малиновым
Не виден твой вчерашний след.
И гаснет свет,
Печальный свет,
И тьма идёт долинами.
И всё потеряно давно,
Потеряно, незнаемо.
Луна – старинное вино —
Вольёт янтарь в моё окно.
И загрустит окраина.

Мы не исчезнем, не умрём,
Ведь наши Души освятила
Звезда, объятая огнём,
Звезда, гуляющая днём —

Дневное ярое светило.

Я не исчезну, не умру —
Моя Душа – обитель Бога,
Огонь восхода поутру,
Костёр заката ввечеру.
И это много.

Ты не умрёшь,
Любимый мой.
Твоя Душа – подарок Бога,
Цветок мелодии немой,
Рисунок на стене зимой.
И это много.

ВО СЛЕД ЗА СОЛНЦЕМ

Лиловых гор мохнатые хребты,
В ущельях – рек серебряные нити.
Лететь мне, милый,
Птицей Высоты
Во след за Солнцем —
Ангелом наитий.

Всегда в пути,
Нацеленном вперёд —
Туда,
Где лик вечернего светила.
Бессмертен Ангел,
Дух мой не умрёт —
Его питает огненная сила.

Я знаю, там —
За огненной стеной,
Твоя Душа,
по-детски золотая.
Пусть говорят,
Что этот мир иной,
Но всё не так —
Я точно это знаю.

ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Вот как-то вдруг
В минуту пустоты,
Не видя света белого в Пути,
Отчаялась в унынии, а ты
Сказал мне: «Жить —
Не поле перейти».
Ах, это поле – что за ерунда!
В стране тоски,
Забытых Богом лет,
Казённый Дом
и двери в никуда.
Тут жизни нет
И даже смерти нет.
На серых стенах
Росписи дождя.
Он шёл по крыше,
Стуком бередя
Пустого Дома отзвуки пустые.
Везли улитки
Домики витые,
И скручивалось время,
не шутя.

И сокращались в точку
расстоянья,
И всё сжималось —
Втягивалось в Дом —
Кричали
виртуальные страданья,
Но не о том кричали,
Не о том.

Остался миг невысказанной тайной.
Не видя света белого в Пути,
Хотелось мне
Когда-нибудь случайно —
То поле отыскать
И перейти.

СЛЕД ДУШИ

Мороз колюч,
Он – лютый чародей.
Отдай мне ключ
От горницы твоей.
Я – сердце птиц.
Я – песня высоты.
Я – взмах ресниц.
Меня узнаешь ты.

Я – птица крыш.
Услышь меня, мой свет!
Но ты молчишь,
И в этом твой ответ.

Истаял час,
Истаял птичий миг.
В последний раз
Звучит последний крик.
Высок полёт,
И воля ждёт меня.
Сиянье нот —
Рассвет – моя родня.

Восхода свет
Прекрасен и летуч.
Прозрачен след
Души —
Скрипичный ключ.

ОТГАДАЮ

Отгадаю
волшебное слово —
нежить скользкая, провались!
И примерю
Наряды новые,
И придумаю новую жизнь.

Будет небо
и ветер вольный,
Васильковые облака,
Ни слезы,
Ни досадной боли —
Лишь дорога
Да лес, да поле,
Божья музыка издалека.

Будет город,
Весёлый город,
Будут солнечные дома.
Всех, кто мне бесконечно дорог,
Нарисую себе сама.

В новой жизни,

Святой и светлой,
Оставаясь всегда собой,
Буду знать из печалей этой
Только дождик слепой.

ПАМЯТИ СЫНА

Янтарным оком зимнего заката
Январь глядит в морозное окно.
Я знаю – жизнь
Ни в чём не виновата.
Я знаю —
Смерть ни в чём не виновата.
Нам просто быть святыми
Не дано.

Печаль моя,
Любовь моя и счастье,
Себя я не устану обвинять.
Люблю тебя
И помню ежечасно —
Улыбку, взгляд
И голос,
Свет мой ясный!
Но не могу судьбы твоей
Принять.

Смириться не могу,
И время вовсе
Не лекарь, не философ,

Но судья.
И вот опять
Меня по свету носит,
И вновь душа
Тебя о встрече просит.
Молчи, пророк —
Моё второе «я»!

Да, знаю. Да,
твои разумны речи,
Но, несмотря на это,
Вопреки —
Я снова верю —
Верю в нашу встречу
И чувствую касание руки.

НОВОГОДНИЙ БИНОМ

Ночь в миллиарды снежинок
Дробится
И на ресницы ложится твои.
Прячутся
Неперелётные птицы —
Верные, звонкие,
Крохи – синицы —
Зимние соловьи.

Падает ночи хрустальная сказка,
Под ноги падает
Праздничным сном.
Пахнут снежинки
Мускатным вином.
Нам не решить
Новогодний бином —
Нам не спасти наши Души
Под маской.

СТРУИТСЯ СНЕГ

Струится снег.
Не кажется ль тебе
Его поток безумною рекою,
Не знающей
Забвенья и покоя?
А, может, это
Знак в твоей судьбе.
Печальный Знак,
Хрустальное окно,
Холодный Путь
В безмолвие людское,
Где Ангелу
Придётся быть изгоем,
И где порой
Привидится такое,
Что в страшном сне
Увидеть не дано.

Скользящий мир —
струящийся магнит,
твоя душа купается в потоке.
И этот холод вечный
и жестокий

Живой Душе
отсчитывает сроки.

Но Божий свет
Спасает и манит.

ВОЛЧИЦА-РАЗЛУЧНИЦА

А на сугробах – жемчужины

Бисером.

Снежные свеи изваяны

Ветрами.

Наглухо окна морозом

Расписаны.

Росписи в солнечном свете

Серебряны.

И серебром в серебре

Предназначено

Нам в этот год не узнать

Расставания.

В узел завязаны все

Расстояния,

Души любовью и светом

Захвачены.

Наглухо окна морозом

Расписаны.

Прячутся волки, одетые

Лисами.

Только охота у них
Не получится —
Влёт промахнётся
волчица —
разлучница.

НАМ ДАНО

Вечерний луч,
Скользкий по ковру,
Зажёг цветы
Восточного узора,
Достал кота —
Охотника в миру.
И кот ответил
Изумрудным взором.

Ленивый кот, ковёр,
Закат, окно —
Все эти эфемерные картины,
Где жизнь и смерть, и время
Триедины —
Привычное
смертельное кино.

Вот васильки весёлые
Тоскуют,
В мехах бунтует
Новое вино.
А мы с тобой
Одной любви взыскуем.

И нам дано.

ПАМЯТЬ ЛЮБВИ

Несколько строк,
тетрадка в клеточку,
Фотография возле старого дома.
Знакомы приметы разлуки,
строг
Времени почерк, точен,
словно Закон Ома.
Преодолеть нельзя,
изменить невозможно.
Осторожно, тихо-тихо взглянуть
На фото – и дальше, в Путь.
Память Любви зовёт,
Из дальнего далека окликает,
Голосом вещей вод.

ЧУЙСКИЙ ТРАКТ

Солнечный луч сквозь тучи
Красной стрелой – в глаза,
метко, упруго, хлёстко.
Жёстким визгом крикнули тормоза,
Кручи горные охнули эхом.
Мрачным смехом зашлись закоулки ущелий —
Прибежищ Духов.
Они не смогли на этот раз
Сбросить в пропасть лязгающее чудовище —
КАМАЗ.
Но впереди – не один перевал,
Гудит на подъёмах и спусках тракт.
На груди его всегда кто-нибудь горевал,
Плакал с дождём и ветром
в такт.

НАВЕКИ

Оранжевым золотом залиты склоны —
Осень вёрстами жёлтыми ясными
Бежит из полѐна и убежать не может —
В землю корнями закопаны клёны,
Берёзы ветвями запутались в соснах,
Во снах и скалах, друг друга лаская —
Любовь ли, ненависть ли такая.
Всем в этом мире земля владеет.
Жадно, навеки, не отпуская.

Памяти сына

Мы видели с тобой один и тот же сон,
На плато, в горные отроги
Был ветром каждый вознесён,
Где долгий бег в пустыне без дороги
Нас должен был соединить.
Небрежно нить ручья в ущелье бросил Велес.
Хотелось пить,
Ты помнишь, пить хотелось.
Но я тебя любила, так любила,
Что ты взлетел к высоким облакам —
Откуда брал ручей своё начало.
А я, полёт боясь остановить,
Вдруг замолчала.
И вот одна. Карминовый закат
Пустынным скатом всплыл
над перевалом.

ТЫ МНЕ НЕ ПОЗВОНИШЬ

Ты мне не позвонишь, не позвонишь

Оттуда.

Я не забуду голос твой,

Не спутаю с чужою вязью нот.

Но не уходит ожиданье чуда.

Не виновата в этом – Бог даёт.

И к прошлому возврата нет, я знаю,

Но жду его,

Как мать ребёнка ждёт.

Горит костёр и память жжёт.

Так незаметно, тихо, странно

Разлука в омут смотрится.

Ноябрь.

День роковой.

Осеннее молчанье, словно рана,

И жёлто-горькое —

прощай.

ГДЕ ТЫ?

Первая буря гудит – вестница холода.
Сорваны, перемолоты листья последние.
Голые корни. Голые ветви.
Где ты? Где ты, где ты?
Ветер яростный, день распластанный,
Где ты, ясный мой, мой единственный?
Не поверю, что сердце выстыло,
Жаром-холодом бьёт неистово,
Словно током в пять тысяч вольт. Жаль —
немногое в мире истинно —
Кольт серебряной пулей выстрелит,
Да Любовь отведёт печаль.

ТЕЛЕ ВИДЕНИЕ

Где-то высоко – над вселенной вечерней
Червлёным золотом огни упираются в небо.
Небыль, нежить – всего лишь телеантенна,
Одна на всех. Единым потоком,
Током высоковольтным гонит картинки,
Взбивая мозги. Как у тебя —
уже гоголь-моголь?
А у меня пока нет пены взбитой.
Ну, тогда попробуем – битой.

МОЙ ДЗЕН

Мир един,
значит, вот это создание – кто оно —
паучок или мошка – едино со мной,
То есть это немножко – я.
И даже не так —
это и есть я нынешнею весной.
Солнце играет хитином на моей спине.
Да, да, да – всё едино, всё – во мне,
и я – во всём.
Пронесём эту счастливую жизнь,
превознесём гармонию, словно молнию,
поразившую смерть.
Чтобы быть в этом мире,
нужно быть, нужно сметь
быть живым на любом вираже.
Присоединяйтесь! Хотя, что это я —
мы же и так... уже

БЕЗЫМЯННЫЕ ОРГАНИЗМЫ

Безымянные организмы,
формы безличные.
Формы сидячие, формы лежащие,
Объединённые и единичные.
Так одинаково их недержание —
Желание формы,
Что кажется —
Форма – это и есть содержание.
И в этом, поверьте,
что-то глубокое спрятано —
страх воина и героя,
смелость и безрассудство труса,
то, отчего воскресла Троя,
и обо что Прометей
споткнулся.

ПОТЕРЯВШИЕ СТРАХ

Мы – материал экспериментальный,
Прошедший фильтр пренатальный.
А вот постнатальный фильтр,
По имени Жизнь,
Изуродовал нас немного —
Потерявшие страх микробы
Мы, как розы, шипами грубы.
Мы нежны ароматом пробы —
Тонким вкусом искусных вин,
Согревающих сердце Бога.
Мы – родившие хэллоуин,
Потерявшие страх микробы.

ЖИЗНЬ

Присваивать чужие страхи и сны,
До весны дожить, до утра дотянуть.
Обмануть себя какой-то там корреляцией.
Смысл, исчезающий ЗА симуляцией —
Что это или кто?
Цивилизация, глобализация,
Красавица в норковом манто?
Это призрак традиции по имени Путь,
Призрак традиции по имени Будь,
Не знакомый с частицей «не»,
О весне мечтающий день и ночь: «Позови!»
Это Жизнь – Дочь Любви.

ИГРА

Слепые хищные зверушки,
Прикинувшиеся людьми —
Возьми игрушку за полушку
Или задаром подними
автоматической хваталкой —
игра для мальчика с весталкой.
Она советами одарит,
И воспитомца подтолкнёт.
А мальчик – он уже в ударе,
В азарте игрищных тенёт.
Играй, дитя буржуазии,
Ты – не крестьянское дитя!
Азарт подобен амнезии,
И ты забудешься, шутя.
Возьми, возьми, играй, играй
Прикинувшимися людьми.
Играй, не поднимая глаз.
Возьми, возьми —
таков приказ.

ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД

Тебя перевернули на спину,
А ты, стараясь распрямиться,
Как спицами, цепляя пальцами,
Осенних трав сухие нити,
Всё крутишь мир вокруг себя.
И как-то слепо, по наитию,
Не чувствуя и не любя,
А просто хваткой механической
Ты истерически живёшь.
Но сознаёшь – ты лишь кусок
Какой-то жизни бывшей, бывшей,
Пробитой пулею в висок.

ГРЯДУЩЕЕ

За горизонты смысла скатилось бытие моё.
Трёхцветной радугой повисло,
Соединяя прошлое с неведомым грядущим —
Бесформенным, ползущим,
В хитиновой броне распластанном по кущам
растений хищных, жирных, незнакомых.
И что оно за гранью смысла —
Лишь облако шуршащих насекомых.

УЖЕ ПОРА

Сегодня день нефритовый, тяжёлый —
Метёт из мрачной бездны высоты.
Темнеют доли, идолы домов
бесстыдно голы, выстужены вскользь
гулящим ветром северного ига.
Нет, не дожидаться мига всепрощенья
Или Суда, качающего ось —
Земную ось Рождения и Смерти.
Сверчок в углу сверчит своё с утра:
«Не верьте да не верьте, да не верьте»,
Как будто верить – это значит быть.
Уже пора – давно, давно пора
Разбить крылом нефритовую сферу,
Пробить насквозь седьмые небеса
И превзойти любую веру.
Зачем она, когда даны глаза.

НЕТ

Дверь в Запредельность, в Пропась,
Где упасть – значит ещё пожить немного.
Всё так строго и безнадёжно,
Словно полёт на звезду Сон —
Нет, не верю, что упаду.
Звон в ушах, трещина под ногами,
Шаг, полшага – гони желание движения.
В этой холодной гамме
Всё ещё слышно жжение —
Любовь к маме, любовь к сыну,
Которых нет, но они есть,
Потому что умеют ходить по цветам.
Я не покину их здесь.
Я не покину их там.

АТТРАКЦИОН

Жизнь – дырявый аттракцион.
Всё живое исчезнет со свистом,
Не оставив следа,
Не найдя хоть каких-нибудь Истин.
Всё на свете знает только ВЦИОМ.
Овцы кудрявые, шествуем чинно,
Ведь под конвоем шагать легко.
Что-то нам благочинный
сегодня скажет,
Наверное, о том, как полезно
Пить молоко.

В КРУГЕ ВТОРОМ

Сегодня смех по поводу и без повода.

Сегодня, подобно оводу,

злость жалит,

Жалости не имея.

У того самого библейского Змея

Сильнее было сочувствие к Еве,

Чем у праведников, несущих идею

Всемирного совершенства.

Отказано в женском,

в мужском отказано.

Люди теперь – просто тела биологические,

Покрытые эластичным материалом,

Персонажи сериала

с коротким именем «Ад».

В Круге Первом не быть никому,

Потому что Первый Круг Ада – над

Тем, что зовётся «Жизнь».

КОРОЛЬ ТЕНЕЙ – ВОИН СВЕТА

(рождение поэтов)

В хрустальном лабиринте прошлых дней
В разгаре танцевальной процедуры
любитель тэквандо, Король Теней,
рисует вскользь воздушные фигуры.

Он убивает молнию вины,
Старается сразиться за кого-то.
В реликтовом засилье тишины
Ему нет равных в точности полёта.

Но вот уже закончен страшный бой.
Рассвет тому вернейшая примета.
В который раз, пожертвовав собой,
Остался невредимым Воин Света.

Он поддержал вселенское Добро,
Наказано и выдворено Злое.
Жива осталась Мэрилин Монро,
И розы распустились на алоэ.

И все младенцы, визнавшие Путь

В Миры Иные вновь вернулись к Свету.
Теперь им жить, и жить не как-нибудь,
Но в образе Пророков и Поэтов.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Сегодня солнце желтолице —
В седле монгольском без удил,
Княжной Огня
Над миром мчится,
Червлёной медью
В степь ложится.
И пятый Ангел вострубил.

Ещё два Ангела,
Два года —
Земле гореть.
Пустынный смерч —
Теперь привычная порода.
Гуляет смерть,
Смеётся смерть.
И океаны
Запах йода
Кидают в эту круговерть.

И жизнь теперь
На смерть похожа.
Как там Тебе
на небеси?

В году одиннадцатом,
Боже,
спаси!

В КРУТЕ СУДЬБЫ

Мы друг другу клялись на листочке кленовом
Не забыть глубины наших солнечных глаз.
Высоко в небесах наша жизнь пронеслась
И вернулась на землю заблудшую снова.

Плыли мимо людей невозвратные орды,
Суета равнодушьем ломала рога.
И на круге судьбы методичные хорды
Нарезали мясные куски пирога.

Шашлыки на углях, протестуя, шипели,
Улыбались узбеки, платя за постой.
Их чумазные дети играли толпой
На углу под струей ледянистой капли.

Мы стояли с тобой на цветном тротуаре,
Словно встретились только минуту назад.
И казалось, вокзал – ботанический сад,
И цветенье сирени сегодня в разгаре.

Но уже постучало предчувствие скуки,
Но уже потемнел и запутался взгляд.
Этот день на мгновение нам не продлят,

Не сомкнутся в объятье горячечном руки.

Не вернуть, не позвать, не достать, не увидеть —
Расстаёмся сейчас. Расстаёмся навек.

Ты, надеюсь, мой друг, на меня не в обиде,
Мой бессмертный, любимый, родной человек.

БОЖИЙ ЩИТ

И. С.

Мы ждём любви,
божественных чудес,
Надеемся на милость века.
Придёт из подворотни бес,
Мизинцем ткнёт —
и нету человека.

И крепок сон —
и днём и ночью спать,
Забыть о человеческом вече.
Но бесу мало
в землю закопать —
Ещё и память
надо изувечить.

И он глаголет —
Кладбище молчит.
Он даже крест
потрогает перстами.
Но есть на свете
Божий Щит,
И Сила Божия

Восстанет!

СЕБЕ

Люби людей,
Их странные миры.
Издалека,
Из дальнего далёка
Они добры,
Прекрасны и мудры,
Они чисты, как небо —
Божье Око.

Не приближайся
И не приближай.
Не расставляй зеркал,
Глядящих в души.

Твой путь вперёд,
Где зреет Урожай —
Сумей отдать,
Но нежность
не разрушить.

В ПОЛЯНАХ, В ОДУВАНЧИКАХ

В полянах, в одуванчиках,
в их солнечных мирах
Зелёные разгуливают тени.
Там облака полощутся в ветрах,
Цветут сады сиреневой сирени.

Брожу в глубинах ветреного дня,
Мне хорошо в его руках весёлых.
Ты полюби, мой солнечный, меня,
и уведи в заброшенный просёлок.

В цветное царство с именем Аид,
Где верный путь к родным всего дороже,
Туда, где дом родительский стоит,
Где жжёт крапива злых
и осторожных.

ДВОИЧНЫЙ ПОТОК

Там, где-то вдали,
в невозвратном Ничто,
Рождается огненный вечер.
Стрелой над асфальтом в летучем авто
Лечу – только ветер навстречу.

Сиреневый мир в затемнённом окне
И ярко-зелёный – в прозрачном,
Потоком двоичным несутся во мне,
Сияют, смеются и плачут.

Двоичный поток – продолжение дня —
Рождающий пламень единый,
Уносит в закатное небо меня.
Сегодня – мои именины.

Зови меня, друг мой, Весёлой Стрелой,
Мелькнувшей на фоне заката.
А хочешь – сосновой летучей золой.
Я в том и другом – виновата.

ОБЕРЕГ

Оранжевая майка на ветру
Полощется мечтой о новом лете,
О знойном слове, метком пистолете
И вечном сне, и песне в вечеру.

Но выстрелит ли меткий пистолет?
И вечный сон прольётся ль тихой песней?
Оранжевый поток грядущих лет,
Горячий ветер городских предместий.

Оранжевая майка – чья-то тень
И силуэт летящего пространства.
Гори, гори и не кончайся, день!
Твой синий взгляд —
сиянье дальних странствий.

Клубком дорога катится у ног
И приведёт к любви и поцелую.
Прими меня, оранжевый денёк,
И отведи чужую волю злую.

Я ЖИВУ

Я живу не спеша,
не спеша.
У меня отдыхает Душа.
Потому что лохматый паук,
Подмастерье
смертельных наук,
Вёл охоту при помощи лассо.
Но колючки
палаческих рук —
Инструмент
непригодного класса.

Ускользнула,
ушла за черту,
Где себя возвращу, обрету.
За стеклянной
защитой тонкой,
Снова стану весёлой и звонкой,
Наберу одуванчиков рой.
Вон их сколько сияет в сторонке.
Я вчера и сегодня,
и завтра – герой!

СЕГОДНЯ

Сегодня пред Рождественским постом
Всё в том же общежитии пустом
Иду одна в облезлом коридоре.
И жизнь моя мне кажется листом,
С какой-то странной «Повестью о вздоре».

И штукатурка рыжая шуршит,
И я на выход выбраться готова.
Но дверь дымит ошмётками души,
И слышится шипящее жи-ши —
Змеиный посвист Царства Золотого.

Преодолеть парсеки тесных дней
Горящей вольной силою коней,
Сорваться в степь, в цветущие просторы.
Душа моя – не позабыть о ней,
Хотя она смирилась с приговором.

НЕ СДАВАЙСЯ!

Нет, не будет тебе тоски —
Зимородок с утра кричал.
В зное падают мотыльки
В реку падают – под причал.
Золотою пыльцой средь вод
Уплывает защита крыл.
Тонет бабочка и умрёт.
Омут вечный глаза открыл.
Не сдавайся, же, мотылёк —
От последней волны взлетай.
Мир безбрежен, дьявол жесток,
Не сдавайся же,
мотылёк!

МАТЬ МАРИЯ

Будешь ты ещё молода.
Завтра кончится сонный дождь.
Вся до капли уйдёт вода.
Ты не видишь *Ego*, но ждёшь.

И не веришь в *Ego* уход.
И хранишь на крылечке след.
Будешь жить до трёхсот лет,
Чтобы просто сказать: «Тот!»

Будешь тысячу лет ждать,
Будешь верить в *Ego* Свет.
Даже если придёт тать,
Ты не скажешь *Ему* – нет.
Поцелуешь его след!

ДУША И ЗВЕРЬ

Улетела Птичка, улетела —
Ни следа-следочка за пределом.

Съеденною быть – ещё полдела.
Надо память вычернить о ней.

Слишком много песен прозвенело,
Значит, краску сделаем
черней.

ЖДИТЕ!

Травы в пыльце и над ними колдует июнь.
Облако-Феникс – высокий, но точный магнит.
Жёлтая лавочка, дедушка, белый как лунь.
Солнце закатное цвета девичьих ланит.

Вызреет небо, и травы достанут его,
И прорастут в облака, чтобы Ангелам было тепло.
Муку претерпит двойное моё естество.
Дух мой летает, прозрачен и чист, как стекло.

Я полюбила страдающий мир в этот час —
Безоглядно и нежно его полюбила как боль.
Ждите, надейтесь, родные, хранящие нас —
Через земные пласты восходящая соль.

ВЫ ВСЕ МОИ

Вы все мои, не отрекусь от вас,
От ваших взглядов не упрячу глаз —
По Духу и по крови мы едины.
Мы все идём, не выбирая троп,
Печалью поцелованные в лоб.
Спасенье наше – Вера и крестины.
Бояться ли дотронуться Пути?
Мне Божье повеление – идти,
В движенье мы,
как в радости, невинны.

Вы все мои, вас любит этот лес,
В рассветном дыме огненных небес.
И я люблю, как любит мать – дотла!
Живые души, хрупкие тела,
Желание любви и всепрощенья —
Я вас зову, как в путь зовёт
стрела.

Памяти брата Александра

Встречай меня, мой друг, в полях на полдороге —
Мне заблудиться здесь теперь уже легко.
За грань моей судьбы, за горные отроги
Уносит дух полей пространства молоко.

Здесь всё течёт сквозь день потоком невозвратным,
И страшно быть душе одной среди земли.
Ей хочется любви и встречи с милым братом,
ей хочется увидеть хотя бы след в пыли.

Рука в руке, вдвоём, разыщем мы просёлок,
Вокруг такие травы – нескошенный салют.
Встречай меня, мой брат, любимый брат весёлый,
Вон там, за тем пригорком, родители нас ждут.

Рука в руке, вдвоём,
разыщем мы просёлок

И МНЕ ДАНО

Я снова программирую себя
на жизнь и силу в Духе и свободе.
Но плоть, животной несытостью любя,
Заботами мещанскими изводит.

Стучат часы, разбрызгивая звон,
И полутьма высвечивает вещи.
И кажется, вся жизнь – бредовый сон,
Бессмысленный, короткий и зловещий.

Но за окном на лавочке ночной
Сидят, обнявшись в детском поцелуе.
Нахлынет жалость древнею волной,
Как рыбу, бросит в благодать былую.

И закричат, бесчинствуя во мне,
Какие-то уродливые звери.
Но я плыву в подлунной глубине.
Просила я, и мне дано – по вере.

ОДНА

Я на этой планете давно обитаю одна.
Жизнь звенит иногда, уместаясь в моём телефоне.
Оглянусь – пустота, как поток, не имеющий дна,
Обтекает меня, и откуда-то хладом сифонит.

Оглянусь, и опять, словно только очнулась от сна —
Я сиротство своё сознавать научилась недавно.
Плавит снег и вгоняет в размякшую землю весна.
И на кладбище сельском сегодня так тихо и славно.

С невозвратной горы, где кресты и обветренный свет,
Посмотрю на село и родительский дом издалёка.
Только здесь сохранилась кристальная нежность тех лет,
Что летят с фотографий несущимся в детство потоком.

Снова в сердце заглянет шальная бродяжка-весна.
На секунду забудусь на этом обманчивом фоне.
Я на этой планете давно обитаю одна.
Жизнь цыплёнком пищит,
умещаясь в моём телефоне.

ГДЕ-ТО ДАЛЕКО РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

В. Шukiину

Мой домик деревянный зарос полынь-травой,
Но в огороде сонном не встретишь ни травинки.
Здесь мать давно привыкла читать печальник свой
И каждый день справлять по сорнякам поминки.

Мой домик деревянный во облацех летит,
Он пухом тополиным прикинулся в июне.
Смотрите и любуйтесь – какой волшебный вид:
Тем выше дом летит, чем ярче ветер дунет.

А ветер зноем дышит – заоблачен и сух.
Всё выше дом, всё дальше – пушинкою в зените.
Меня к земле притянет калины горький дух,
И сердце с домом свяжут невидимые нити.

Во облацех – в облаках (др.русск.)

СЛУЧАЙНО

Качнуть случайно, походя, весы,
И в запах утра, вызревшей росы
Уйти на пламень тлеющий рассветный.
Взлететь легко, планируя крылом,
Сквозь время и пространство напролом
Зовёт душа синицей безответной.

Не знать о том, что гибнут племена,
Не видеть смерти! В небе я одна
Навек застыла точкой не приметной.
Не слышать, как в последний день тоски
Заплачут травяные колоски,
Как люди, отлучённые от света.

СИЛА

Собаки, кошки проявляют прыть,
В её дому они, реально – сила.
Как должно было бы людей любить,
Она животных полюбила.

Она приводит в дом их вновь и вновь.
И чем сильнее они необходимы,
Тем больше к людям – нелюбовь
В её жилище нелюдимом.

Она считает – человек привык
Лелеять разум в одеяле ватном.
Собачий выразительный язык
Ей говорит о многом и понятном.

ПОДНЯТЬСЯ РАНО

Подняться рано. В доме пятый сон
Досматривая дружно, в унисон,
Ещё никто не скрипнул чуткой дверью.
Подняться, выйти в морок – на крыльцо,
Умыть туманом сонное лицо,
Счастливой стать по магии поверья.

А возле дома толстый серый кот
Всё бродит, не мечтая наперёд,
Охотится, как предок в древней эре.
Качнуть колонку, и с водой ведро
Поставить, как вселенское Добро,
Которое отмерено по Вере.

Не спохватиться, заглянув в окно,
О том, что жизнь закончилась давно —
Живому не дано её измерить.

ЗАГЛЯНУ!

Откололся кусочек от зеркала —
Эка забота!
Только зеркалу этому завтра в обед —
Шестьдесят.
Только кажется мне —
За стеклом укрывается кто-то,
И минуты в глубинах его,
Как листва, шелестят.

Загляну за стекло
И увижу весёлую маму,
И отца я увижу
И брата с букетом цветов.
И сынок мой
На горку крутую восходит упрямо
И уже обернулся,
И встретиться взглядом готов.

ЗАРЕЧНАЯ УЛИЦА

Заречная улица, триста четыре.
Цветной павильон, остановка трамвая —
Полынная, самая тихая в мире,
Лишь где-то собака от скуки зевает.

Тоска её тонет в траве огородной.
Тоска её бродит опушкою леса.
Плывут облака высоко и свободно,
И ветер затих, поднебесный повеса.

Исписаны стены в цветном павильоне
Короткими строчками слов настоящих.
«Люблю», – сообщает безвестная Тоня.
А ей отвечают:
«Хочу «Блестящих»!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сквозь полынные заросли горьких невидимых лет,
Сквозь кладбищенский дух перемен и пустынные веси
Я пришла в этот город, которого, в общем-то, нет —
Он давно обернулся иконой исчезнувших песен.

И стучится молитва моя в пустоту городской суеты,
Рассыпаясь на слоги и звуки, молчание ночи.
Неужели в горах, как и прежде,
над бездной возрастают цветы,
Неужели кузнечик в зелёных просторах
стрекочет.

В ДОРОГУ!

Поднимешься до света – ни с чего,
Или увидев сон какой-то вещий.
Далёкий ген программы кочевой
Цветущей степью, духом травным плещет,
Зовёт в дорогу. Выглянешь в окно —
Пустынный город в проблеске фонарном.
И, кажется, завалены давно
Пути кочевий мусором базарным.

Асфальт, как панцирь, тесен и жесток,
И всё мертво в бетонной серой гамме.
И лишь собака, сбросив поводок,
Всё носится и носится кругами.

ДУША ЛЕТИТ

Душа летит, но держит плоть земная,
Давно уже сгоревшая дотла.
И ничего о жизни я не знаю,
А смерти нет – я это поняла.

Во страхе лет её прикосновеньем
Восходит Свет в незрячие глаза.
Вдруг поразило молнией мгновенной,
Вдруг пролетела мимо стрекоза.

И кто-то, кто-то – Ангелю Хранитель —
Вознёс меня от гибельного дна
Летучею серебряною нитью,
Связующей людей и времена.

Я и теперь ошибок не миную,
Не распознаю праведности троп,
Но вот спасли, греховную, земную,
Поцеловали, как ребёнка, в лоб.

ТЮРЬМА СВОБОДЫ

Где-то в зеркальных слоях атмосферы,
То проявляясь, а то исчезая,
Словно крылом выбиваясь из меры,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.